

TANEYEV LIBRARY

633956

587-2-82

780.8
M-897

МУЗЫКА СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

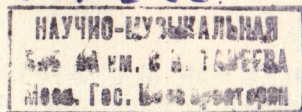
СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК 1

587-2-82
МОСКВА
ВСЕСОЮЗНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКИЙ КОМПОЗИТОР
1982

Составитель И. М. РОМАЩУК

582-2-82

М 4905000000—273
082(02)—82 498—82

© Издательство
«Советский композитор», 1982 г.

От составителя

Предлагаемый вниманию читателей сборник задуман как обзор, обобщение и систематизация различных музыкально-художественных явлений Сибири и Дальнего Востока. Интересная, своеобразная и во многом уникальная музыкальная жизнь этих районов нашей страны (включая три автономные республики — Якутскую, Бурятскую и Тувинскую) до последнего времени освещалась в печати недостаточно полно. Стремясь воссоздать объективную картину, составитель включил в сборник статьи о музыкальном образовании, исполнительстве, профессиональном творчестве и самодеятельности Сибири и Дальнего Востока. Особая задача данного сборника — публикация исследований музыкального фольклора этого края, изучение тех духовных ценностей, которые накапливались на протяжении столетий, но привлекли внимание специалистов сравнительно недавно. Народное музыкальное искусство сибиряков и приморцев отличается богатством и разнообразием. О неизвестных или малоизвестных явлениях устного творчества жителей Сибири и Дальнего Востока хотелось бы как можно подробнее рассказать на страницах нашего сборника.

Интерес к районам Сибири и Дальнего Востока особенно возрос после поездки Л. И. Брежнева по этому краю в 1978 году. Посетив Новосибирск (31 марта), а затем — в апреле — Красноярск, Иркутск, Читу, Тихоокеанский флот, Комсомольск-на-Амуре и Владивосток, Л. И. Брежнев, отметив достигнутые успехи, указал вместе с тем на задачу дальнейшего наращивания экономических потенциалов этого края, что неразрывно связано с ростом благосостояния и культурно-бытового строительства.

Вопросам развития музыкальной культуры Сибири и Дальнего Востока было посвящено специальное заседание секретариата СК СССР, прошедшее в мае 1978 года во время пленума правления Союза композиторов СССР.

Исходя из решений этого пленума, создавался настоящий сборник. Авторы его — музыковеды, фольклористы Сибири и Дальнего Востока.

В сборнике помещены статьи, разные по своему характеру и аспекту рассмотрения проблем.

«Иркутская хроника (музыкальная жизнь города 30—70-х годов)» И. Харкеевич, кандидата искусствоведения, старшего преподавателя кафедры истории и теории музыки Иркутского педагогического института, представляет собой обзор художественных явлений одного из старейших городов Сибири. Хотелось бы подчеркнуть важное значение такой летописи, воссоздающей панораму музыкальной жизни современной эпохи. Широта и многообразие форм профессионального и самодеятельного искусства, расширение международных и внутрисоюзных творческих контактов, проведение фестивалей, дней, декад музыки, смотров и конкурсов, регулярные поездки композиторов с авторскими концертами по стране — все это стало неотъемлемой чертой нашего времени. Исключительно важен процесс фиксации, собирания и изучения фактов музыкальной «биографии» нашей страны, представляющий материал для последующих исследований и обобщений.

Статья В. Садыковой, аспирантки Ленинградского института театра, музыки и кино, до недавнего прошлого преподававшей в Дальневосточном институте искусств, также посвящена обзору музыкальной жизни одного города — Владивостока, — но в более узком аспекте. Это краткие заметки о событиях, происшедших в самое последнее время.

В статье «Большой театр Сибири» И. Корн, аспирантка Государственного музыкально-педагогического института имени Гнесиных, преподаватель Новосибирского музыкального училища, прослеживает работу Новосибирского театра оперы и балета над современным оперным репертуаром. О спектаклях местного коллектива автором, начиная с 1965 года, опубликован ряд статей в периодической печати.

В. Сапельцев, фольклорист из Тувы, член Союза композиторов РСФСР, в своем материале кратко характеризует народное искусство Тувинской АССР, прослеживает становление профессиональной музыкальной культуры республики, знакомит с достижениями творчества национальных композиторов.

З. Кыргыс, сотрудница Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории,

существенно дополняет В. Сапельцева. Она подробно останавливается на характеристике жанров тувинского музыкального фольклора, посвящая специальный раздел циклу свадебных песен.

Следующие две статьи также посвящены проблеме фольклора малых народов Севера, Сибири и Камчатки.

В. Лыткин — автор ряда статей, помещенных как в местной печати, так и в журналах «Советская музыка» и «Музыкальная жизнь», — исследует народное творчество чукчей и эскимосов. Им собрано около двух тысяч напевов этих народностей. Некоторые из них публикуются впервые.

А. Айзенштадт, кандидат искусствоведения, начиная с 1953 года работает над изучением фольклора народностей Сибири. Его статья содержит яркий материал по музыкальному творчеству кетов и селькупов. Ранее им были опубликованы статьи о музыкальном фольклоре эвенков.

В статье, открывающей данный сборник, автор этих строк стремился подытожить некоторые данные о поездках советских композиторов в районы Сибири и Дальнего Востока, охарактеризовать в общих чертах «песенную Сибириаду», насчитывающую уже не один десяток сочинений.

Безусловно, содержание данного сборника не может дать полного представления о музыкальной культуре Сибири и Дальнего Востока. Это всего лишь первая попытка систематизации фактов и явлений музыкальной жизни и творчества двух крупных районов страны по состоянию на 1979 год.

В последующих выпусках предполагается продолжить обзор музыкальной жизни ряда городов (включая Новосибирск, Омск, Хабаровск, Томск, Красноярск), а также автономных республик, краев и областей Сибири и Дальнего Востока (в первую очередь Бурятии, Якутии и Хакасии). В дальнейшем, наряду с обзорными статьями будут помещаться работы о народном музыкальном творчестве, а также исследования о наиболее значительных произведениях композиторов Сибири и Дальнего Востока.

В. Лыткин

ЧУКОТСКАЯ И ЭСКИМОССКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

**[ее прошлое
и перспективы ее развития]¹**

1. КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. РАСЦВЕТ САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ НАРОДНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ

Магаданская область, в состав которой входит Чукотский автономный округ, находится на Крайнем Северо-Востоке. На ее огромной территории, 1 184 000 квадратных километров, проживают представители многих народов Советского Союза, в том числе и коренные жители — чукчи, эскимосы, коряки, эвены, чуванцы; они трудятся над освоением природных богатств этого сурового края. Под вечной мерзлотой в недрах Магаданской области скрывается золото и другие редкие металлы, каменный уголь. В прибрежных водах Северного Ледовитого и Тихого океанов много морских зверей и рыбы. На необъятных просторах тундры пасутся многочисленные стада оленей.

Народности Крайнего Северо-Востока, которые живут здесь не одно тысячелетие, прошли в дореволюционный период тяжелый путь исторического развития. Жизнь под гнетом царского самодержавия, грабежи и насилия со стороны иноземных купцов и предпринимателей — все это надолго задержало развитие их экономики и культуры на уровне первобытно-общинного строя, который сохранился до XX столетия. В мировоззрении коренных жителей Чукотки еще в первые годы Советской власти продолжали господствовать анимизм и магия — вера в злых и добрых духов, которых надо заклинать и задабривать жертвоприношениями, вера в потусторонний мир, куда якобы переселяются умершие.

Однако, несмотря на полную лишений и страданий жизнь, необходимость каждодневной борьбы со стихийными силами природы, народности Крайнего Северо-Востока сумели сохранить свою самостоятельность и развить самобытную национальную культуру. Их замечательное изобразительное искусство (резьба по кости,

■

¹ Наблюдения автора основываются на его собственных собраниях народных песен эскимосов и чукчей, публикуемых впервые.

вышивка на одежде), устное народное творчество богаты художественными образами и идеями. В их народных песнях и танцах запечатлены опыт трудовой деятельности, итоги наблюдений за явлениями северной природы, за повадками птиц и зверей. Песни и танцы имели в их жизни определенное практическое значение. Они помогали им спланировать в трудовые коллективы, развивали у молодежи рабочие навыки, подготавливали ее морально и физически. Но до революции песни и танцы имели одновременно религиозное значение. Жители Чукотки верили, что художественные изделия, вырезанные из моржового клыка, фигурки людей, зверей, птиц, байдар, маски, специально изготовленные украшения, праздничные одежды, так же как песни и танцы, могут обладать магической силой, обеспечивать успех в охоте или оленеводстве, отводить от человека несчастья, неудачи. Обращаясь, например, к духу забитого зверя, охотники просили у него прощения, объясняли, что убили его не ради забавы, а для того, чтобы получить одежду, топливо, пищу, просили вновь явиться к ним в прежнем живом обличье. У оленеводов были песни-заклинания: «чтобы хорошо росли» (корм для оленей), «чтобы волки не нападали на стадо», «чтобы бурый медведь помогал в выпасе оленей», «чтобы была удача»...

Так в далеком прошлом возникло у жителей Крайнего Северо-Востока народное художественное творчество, которое ярче всего проявлялось в праздничном действе. Существовала целая система трудовых праздников. У оленеводов они посвящались отелу оленей, смене у них рогов, осеннему и зимнему забою животных. У морских охотников были дни жертвоприношения морю, благодарения духов морских зверей, праздник байдары. В песнях и танцах-пантомимах, без которых не обходился ни один из этих обрядов, участвовали все жители селения. Танцы сопровождалась ударами в бубны и песнями, в которых нередко излагалось содержание танцев, раскрывался их смысл.

Однако к музыке прибегали не только во время праздников. Песнями, танцами, игрой на бубнах отгоняли злых духов от заболевшего человека. Пели и играли на бубнах, коротая время, пережидая непогоду, мешавшую трудиться, пели в пути по тундре или морю.

К началу 20-х годов, когда на Крайнем Северо-Востоке была установлена Советская власть, у чукчей, эскимосов, других аборигенов не было своей письмен-

ности; национальное искусство было развито очень слабо, находилось на уровне этнографического фольклора. Народная музыка оставалась одноголосной, существовала лишь ее устная традиция. Из музыкальных инструментов повсеместное применение получил только бубен (чукотский ярар, эскимосский секуяк, саяк). Многочисленные попытки создать свои национальные струнные инструменты по образцу русской долбленной скрипки и балалайки, привезенных на Чукотку в XVII веке русскими казаками-землепроходцами, или хомуса (варгана), применяемого в соседней Якутии, или усовершенствовать свистки, с помощью которых еще в XIX веке жители побережья Берингова пролива подражали пению птицы гагары, не дали должных результатов из-за отсутствия необходимых материалов, инструментов, технологии. Изготовленные в разное время из подручных материалов одиночные струнные и духовые инструменты не были достаточно совершенными и не получили повсеместного распространения. Теперь они забыты и вытеснены из употребления домрами, балалайками, гитарами, баянами промышленного изготовления.

За годы Советской власти экономический и культурный прогресс преобразили Крайний Северо-Восток. Магаданская область стала крупным промышленным районом страны. С каждым годом растет здесь число промышленных предприятий, строятся новые рудники, прииски, электростанции, аэродромы, возникают новые научно-исследовательские и учебные заведения, учреждения культуры и искусства, развиваются различные отрасли сельского хозяйства. Коммунистическая партия, Советское правительство проявили особую заботу о преодолении хозяйственной и культурной отсталости малых народностей Крайнего Севера. Одними из первых мероприятий были ликвидация неграмотности, создание своей письменности и подготовка кадров местной интеллигенции. В исторически короткий срок, всего за несколько десятилетий народности Крайнего Северо-Востока встали в один ряд с народами, имевшими ко времени Великой Октябрьской революции более высокий уровень развития экономики и культуры. Неизменно расширились горизонты восприятия ими окружающего мира, в их сознании исчезли религиозные представления, основой их мировоззрения стала марксистско-ленинская идеология, и живут они теперь общими интересами всех граждан Советского Союза. Произош-

ли коренные изменения и в традиционном искусстве. Оно развивается ныне на основе взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур, по принципам социалистического реализма. Сохраняя свои лучшие народные традиции, оно значительно обогатилось как по форме, так и по содержанию.

Возникло ранее не существовавшее чукотское, эскимосское, эвенское профессиональное искусство. В 1931 году в селе Уэлен Чукотского района была открыта профессиональная костерезная мастерская, художественные изделия которой получают высокую оценку на всесоюзных и зарубежных выставках. В ряде национальных сел созданы совхозные мастерские по изготовлению произведений национального декоративно-прикладного искусства. Литературные произведения поэтов и прозаиков чукчей Ю. Рытхеу, В. Кеулькута, А. Кымытваль, эскимосов Ю. Анко, Т. Гухувье, А. Парины, эвенки М. Амамич и других авторов широко известны далеко за пределами Магаданской области. В 1968 году организован Государственный чукотско-эскимосский музыкально-хореографический ансамбль «Эргырон» («Рассвет»). Вслед за открытием в Магадане областного музыкального училища в районных центрах, ряде поселков и сел области созданы детские музыкальные школы. В 1977/78 учебном году в них занималось 260 детей чукчей, эскимосов, эвенов, коряков, чуванцев.

Произошел значительный скачок и в развитии народного художественного творчества. Самобытные авторы и исполнители музыкально-хореографических произведений, которые в прошлом объединялись лишь во время выступления на празднике, в песенно-танцевальном соревновании, теперь организовались в постоянно действующие национальные ансамбли песни и танца, заранее планирующие свою творческую деятельность, готовящие целенаправленную программу своих концертных выступлений. На 1 августа 1978 года в Магаданской области существует 32 таких коллектива. Возглавляют их выдвинутые из числа участников руководители-общественники, отличающиеся большими организаторскими и творческими способностями, хорошим знанием своего народного искусства. Из их числа можно назвать, например, чукчей Ольгу Геунтонау, Елену Нутекеу, Клавдию Келенны-Зорину, эскимосов Михаила Анкауна, Геннадия Каяка, Семена Эмутеина, эвенку Марию Амагачан и других.

На деятельность самобытных национальных ансамблей песни и танца оказывают большое влияние культурно-просветительные учреждения. Уже первые такие учреждения, организованные в 1928—1932 годах в районах Колымы и Чукотки (Лаврентьевская, Нагаевская, Чаунская и Хатырская культбазы), проводили олимпиады искусства народностей Крайнего Северо-Востока. Со времени образования в декабре 1953 года Магаданской области систематическую работу по развитию художественного творчества этих народностей ведут областные и окружные учреждения культуры и искусства, районные и сельские Дома культуры. К участию в регулярно проводимых смотрах и фестивалях художественной самодеятельности привлекаются как представители коренного местного населения, так и участники самодеятельных коллективов из числа тех, кто прибыл сюда из других районов страны.

В 1957 году Чукотско-Эскимосский ансамбль песни и танца студентов учебных заведений Чукотского национального округа выступал на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов, где завоевал второе место среди фольклорных коллективов и был награжден серебряной медалью. Это был первый выезд самодеятельных артистов Чукотки в столицу нашей Родины, Москву. Из числа бывших участников этого ансамбля выросли поэты и авторы современных чукотских и эскимосских песен и танцев (В. Арычайвун, Б. Добриев, Е. Теплилек и другие, которых мы уже называли), руководители ряда сельских ансамблей песни и танца. В последующие годы, участвуя во Всесоюзном фестивале самодеятельного художественного творчества трудящихся, во Всероссийских смотрах художественной самодеятельности, национальные коллективы Магаданской области не раз завоевывали звание лауреатов, выступали в заключительных концертах в Москве на сцене Кремлевского Дворца съездов. По два и три раза награждались дипломами лауреатов чукотский ансамбль «Олененок» (село Алькатваам Беринговского района), чукотско-эскимосский коллектив «Уэлен» (Уэлен Чукотского района), эскимосские ансамбли «Солнышко» (Новое Чаплино Провиденского района), «Белый парус» (село Нунямо Чукотского района). В 1975—1978 годах восьми чукотским и эскимосским коллективам было присвоено звание «народный ансамбль песни и танца» с выделением для них по два штатных работника — художественного руководителя и хормей-

стера. Это открыло возможности для нового качественного подъема их творческой и исполнительской деятельности.

2. ЖАНРЫ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

Успехи чукотских, эскимосских, эвенских, корякских ансамблей песни и танца не случайны. Они во многом предопределены существованием в домашнем музицировании этих народностей замечательной традиции, согласно которой все коренные жители Крайнего Северо-Востока с детства обучаются не только исполнению, но и созданию песен и танцевальных мелодий. Об этой традиции известный этнограф и лингвист Владимир Германович Богораз-Тан, проживший несколько лет в конце XIX века на Колыме и Чукотке, писал в своих научных трудах: «Чукчи любят пение, особенно во время праздников. Каждая семья и даже каждый человек имеет несколько собственных напевов. Одни из них наследственные, другие собственного сочинения»¹. «Напевы чукоч имеют разное происхождение. Некоторые из них переходят от поколения к поколению. Такие напевы, обыкновенно весьма несложные и малоблаговучные, составляют [...] семейную святыню [...] Другие напевы сочиняются каждым для собственного употребления или импровизируются, причем темы обыкновенно сохраняются прежние, а изменяются только подробности. Это относится как к обрядовым, так и к простым напевам, которые поются для собственного развлечения»².

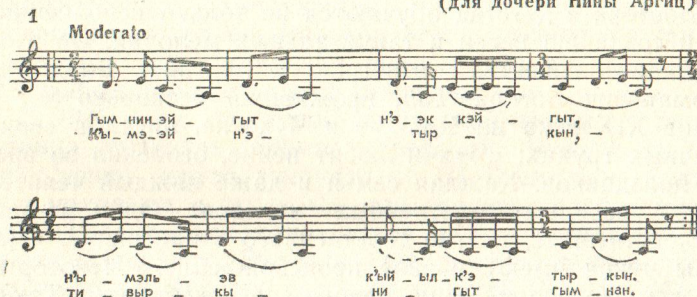
Так было в далеком прошлом. С тех пор неузнаваемо изменилась жизнь на Чукотке. Но и теперь, побывав в любом селении, где живут чукчи, эскимосы, в любой бригаде оленеводов, охотников, рыбаков, можно услышать многочисленные личные, именные песни. Они звучат по разным поводам, в различной обстановке. При этом принято в честь отличившегося в труде человека исполнять его личную песню, отдавая тем самым ему дань уважения.

¹ Богораз В. Г. Чукчи. Л., 1934, ч. 1, с. 23.

² Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. Г. Богоразом. Образцы народной словесности чукоч. Спб., 1900, ч. 1, с. 35—36.

Уже при рождении каждый чукча, эскимос вместе с именем получает от родителей именную песню, сочиняемую отцом или матерью в первые дни после появления ребенка на свет. В песне отражаются те или иные черты новорожденного, мечты о его будущем. Так, в созданной в 1945 году песне чукчанки Тамары Кэлерультыны (село Усть-Чаун Чаунского района) для дочери Нины Аргиц говорится: «Ты, моя доченька, спи спокойно. Вырастай большая! Когда вырастешь, запоешь, как птица. А сейчас, пока маленькая, спи спокойно. А я буду петь тебе»:

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ ЧУКЧАНКИ ТАМАРЫ КЭЛЕРУЛЬТЫНЫ
(для дочери Нины Аргиц)

Мечта матери, выраженная в этой колыбельной песне, осуществилась. Нина Аргиц, работница оленеводческой бригады совхоза, стала солисткой Чукотского ансамбля песни и танца села Усть-Чаун. Она хорошо поет, танцует, умеет играть на домре.

Морской охотник Николай Рытаграу из села Энмелен Провиденского района создал в 1934 году песню для своей дочери Галины Тагрины: «Тагрине песню пою. По-женски она шагает. Она родилась на свет для того, чтобы сохранить наши песни и умение сочинять их». Это своеобразное завещание отца Галина Николаевна Тагрина свято выполняет. Она не только собирает и хранит в своей памяти десятки мелодий отца, родственников, односельчан, но и сама создала много песен и танцев для сценического исполнения.

Вырастая, ребенок узнает и заучивает личные песни родителей, дедов, учится исполнять национальные танцы. Став взрослым, зрелым человеком, чукча, эскимос сочиняет песни сам. Среди них — его личная именная песня. В ней он выражает свою индивидуальность, эмоциональную настроенность. Личные песни иногда

не имеют слов, но могут быть и со словами. В них содержится имя автора, упоминание о его работе, об окружающей природе, о любимом олене или собаке-вожаке упряжки. Например, песня оленевода Етылина¹, жителя села Кебервеем Билибинского района начинается произнесением его имени.

ЛИЧНАЯ ПЕСНЯ ОЛЕНЕВОДА ЕТЫЛИНА

Во многих чукотских и эскимосских семьях сохраняются личные песни давно умерших родственников. Так, чаплинский эскимос Владимир Насалик поет песню своего дяди Сивукака, который умер еще до его рождения. Чукчанка Лидия Конно из села Конергино Иультинского района исполняет мелодию своего дедушки, которого не помнит. Его песню она узнала от своей тети Веры Намнаут, которая обучала Лидию народным песням и танцам.

Потребность из поколения в поколение выражать в песнях свои впечатления, мысли, настроения определила процесс массового народного музыкального творчества на Чукотке в наши дни. На центральных усадьбах совхозов, в оленеводческих и охотничьих бригадах люди разных возрастов складывают музыку для себя,

¹ Традиционные национальные имена чукчей и эскимосов состоят из одного слова, обозначающего сходство человека с каким-либо зверем или птицей, или с каким-нибудь действием, движением (например, имя Нутетегрина означает «бегущая по тундре»; имя Умка было дано мальчику, похожему на белого медвежонка — Умку). При выдаче паспортов людям среднего и молодого возраста к этим национальным названиям прибавляли русское имя и отчество, которых нет у старых чукчей и эскимосов.

для своих близких, а нередко и для исполнения на клубной сцене, на массовых народных праздниках. Труд представителей различных профессий, борьба стихийными силами суровой северной природы, успехи коммунистического строительства, события общественно-политической жизни — все это нашло отражение в современных фольклорных произведениях жителей Чу-котки.

Среди них есть такие, которые воскрешают в памяти яркие картины происходивших когда-то событий. И это не случайно. Ведь нередко песни создаются в часы тяжелых испытаний, выпавших на долю охотника или оленевода, когда он, оставшись один на один с бушующей стихией, должен сам решать свою судьбу, преодолевать необыкновенные трудности, смертельные опасности. И в эти критические минуты пение согревает душу человека, вливает в него новые силы, помогает найти правильное решение. А потом, прозвучав в узком кругу родных и близких друзей, становится образцом оптимизма, служит школой мужества. Эти памятные песни сохраняются как семейная реликвия и не предназначаются для широкого публичного исполнения. Вот несколько примеров.

Однажды зимой 1934 года эскимос Тина, работавший в то время заведующим магазина в селении Сиклюк, поздно вечером возвращался домой из соседнего села Уназик. Было уже темно. Погода испортилась. Сильный ветер сбивал путника с ног, залеплял снегом глаза. Ему потребовалось огромное напряжение, чтобы преодолеть холод и усталость. Желая приободрить себя, он на ходу сочинял и пел вполголоса песню о происхождении: «Я иду пешком домой из Уназика. Ох, как бы добраться до дома. Хотя и темно, мне видятся горы родного Сиклюка... Как бы дойти до него, увидеть сыновей и жену. Знаю, что моему возвращению все будут рады. Они узнают от меня новости об Уназике...» Домой Тина пришел в полном изнеможении. А на следующий день рассказал жене и детям, как ему тяжело было идти и как песня помогла преодолеть трудности. Затем спел сочиненную в пути песню. Она произвела на сыновей сильное впечатление и осталась в их памяти.

В конце 40-х годов охотник Суглягин, живший в стойбище Аракамчечен, пошел в тундру на охоту. Разыгралась пурга, которая длилась несколько суток. Она застала Суглягина на открытом месте, где невоз-

можно было сделать укрытие из снега. Трудно было дышать, невозможно идти. Кончился запас пищи. Охотник сидел на кочке среди бушующего снежного океана и медленно замерзал. Когда пурга кончилась, он уже не мог передвигаться: отморожены ноги, заоченели руки. Но Суглягин не сдавался, он хотел жить, надеялся на спасение, сочинил и пел песню, полную горькой правды и оптимизма: «Безногий не может ходить. И на руках я, наверное, не смогу передвигаться. Я давно жду, что кто-то придет на нарте, накормит меня, привезет домой, и я сразу оживу. И если не смогу ходить, то научусь летать, как летчики».

ПАМЯТНАЯ ПЕСНЯ СУГЛЯГИНА

3 Moderato

Сул - к'э - ны ныл-вав - к'э - эн. Ты - ляк ныл - вав - к'э - ны рэл-к'ир - г'э - э. Мы - тыг-ты кор - гак - к'э - эн. У - в'э - э. Мы - тыг - ты - кань - а - рак-в'э. А - н'э - й - н'э - а - мын - гы - ка. О - па - ны рин'э - а - н'э - а - н'э - а - н'э - к'ай. А - н'э - а - н'э - а - н'э - к'ай. Сул - к'ай.

Суглягин дождался помощи от друзей. Они разыскали его и привезли домой. Но спасти от смерти его не удалось. Однако, продолжая до последней минуты бороться за жизнь, он спел жене и детям свою «лебединую песню» — «Сулкены» («Безногий»). А теперь ее поют внуки Суглягина, восхищаясь его мужеством и стараясь походить на него.

Ранней весной 1943 года группа охотников из села Энмелен Провиденского района вышла в море на нескольких вельботах для охоты на морских зверей. Вскоре испортилась погода. Часть охотников вернулась на берег, а две бригады во главе с Рагтыной и Самом продолжали охотиться. Они не заметили, как припльвшие льды преградили им дорогу к берегу. Уси-

лившийся ветер угнал вельботы далеко в море. Разразился сильный шторм со снегопадом. На большой волне вельбот с бригадой Рагтыны треснул по килю и дал течь. Охотники оказались в бушующей ледяной воде. Товарищи с другого вельбота пришли им на помощь и вытащили из воды. Теперь двенадцать человек сидели в одном вельботе, согревая и подбадривая друг друга. А в Энмелене тщетно ждали их возвращения. Мужчины ходили мрачные. Женщины оплакивали пропавших, считая их погибшими. Только брат Рагтыны, Николай Рытаграу не терял надежды. Он каждый день по несколько раз выходил на берег и ждал, призывая брата скорее вернуться домой. Вглядываясь в даль, он пел: «Где ты? Вместе песню споем! Я жду тебя, и как евражка¹ часто выскакиваю из норки... Вот она земля, сюда плыви!» Вместе с Рытаграу дежурила на берегу его дочь Галина Тагрина. Слушая, как поет отец, она подпевала ему. От песни становилось как-то легче. Она помогала хоть на время унять тревогу и тоску по пропавшим в море... На двенадцатый день энмеленские охотники вернулись домой. Когда они отдохнули и собрались все вместе, Николай Рытаграу сказал им, что верил в их возвращение и спел созданную в дни ожиданий песню «Евражкина норка».

ЕВРАЖКИНА. НОРКА

4 Николай РЫТАГРАУ

Э-мит-лэ-най-гыт. А-а-ай.

Кы-мал мын-ти-пэ-эй нэ. о-о.

Гы-м-ан-тэ-чэр-кын э-гыт. о-о.

-ей. Кы-нур-йиль-эй-гым. тын-тор-кын.

¹ Небольшой пушной зверек.

А-а-о-о-о-о-о. о-о-о.

-ей. о-ей. Нот-кэн-ну-тес-кын.

Вай-ын-кач-ет-кы-лер-кын.

о-о-о-о-о-о-ей.

Знакомясь с многочисленными памятными песнями, можно зримо ощутить, как за годы Советской власти происходили на Чукотке прогрессивные преобразования, как перестраивалось мировоззрение местных жителей.

Много новых знаний, более высокую культуру, новые отношения между людьми принесли на Крайний Северо-Восток посланцы коммунистической партии и советского правительства, которые были направлены сюда в первые годы после установления Советской власти в качестве работников партийных, комсомольских, советских органов, в качестве хозяйственных руководителей, врачей, педагогов. В их числе была пожилая учительница Екатерина Семеновна Рубцова. Она обучала детей и взрослых грамоте, записывала народные сказки, легенды, переводила их на русский язык. Однажды, собирая фольклор, она в яранге эскимоса Айвыхака испекла на жирнике из принесенной с собой муки каравай хлеба. Местные жители в то время еще не употребляли хлеб и увидели его впервые. Новость о том, что испеченном хлебе облетела все стойбище. Всем хотелось узнать, что это такое, попробовать хлеб, узнать как приготовила его русская учительница. Хозяин яранги Айвыхак исполнил соседям тут же сочиненную песню: «Односельчане мои! Принимаю вас гостеприимно. Попробуйте хлеб Рубцовой. Она испекла его на жирнике. Опустила в кастрюле пониже... Очень интересно, что хлеб у нее получился». Впоследствии эта песня получила название «Как печется хлеб».

Чаплинский эскимос Аглю в течение нескольких лет служил матросом на промысловых судах американских предпринимателей. Видел много горя, несправедливости. На собственном опыте познал капиталистическую эксплуатацию. Как только до него дошло известие, что на его родине установилась Советская власть, Аглю навсегда вернулся на Чукотку и стал работать мотористом на колхозном вельботе. Он обладал широким кругозором и музыкальными способностями, хорошо пел, танцевал, сочинял песни, отличающиеся своеобразной красотой мелодий. Однажды, задумываясь над тем, как изменилась за последние десятилетия жизнь на Чукотке, Аглю очень ясно ощутил, что в его собственном сознании, в понимании окружающей действительности произошли большие перемены: народ перестал бояться злых духов, перестал верить в них. Радуюсь победе над злом и насилием, осуществлению давнишней мечты жителей Крайнего Северо-Востока стать такими же свободными, как птицы, Аглю сочинил «Песню о вольной птице»: «Анай, слышишь ли? Подними голову! Я поборол злого духа. Злой дух побежден. Спой-ка теперь мою песню. Спой, как вольная птица! Я знаю свободу, свободу вольной птицы. Спой, Анай, о вольной птице!»

ПЕСНЯ О ВОЛЬНОЙ ПТИЦЕ

5 *Con brio* АГЛЮ

А - нэ - я - ай, кэ - мяук? А - нэ - я - ай, си -

бух - тын-нам. А - нэ - я - ай, си -

бух - тын-нам. Хэа - // Ка - у - га-тун.

Ошибочно было бы думать, что памятные песни-импровизации создавались лишь когда-то в прошлом. Они возникают и в настоящее время. Но, поскольку эти произведения в большинстве своем сугубо личного характера, их знает ограниченное число лиц и услышать их можно только имея близкие, доверительные

отношения с их хранителями, да и то при соответствующих обстоятельствах. Так, во время одной из бесед о народной музыке охотник на пушных зверей Геннадий Тыглыяун рассказал, что зимой 1968 года, находясь на охоте на мысе Сиклюк, он много дней подряд жил один в охотничьей избушке. Скучая, сочинил песню «Одиночество»: «Я здесь один на Сиклюке. Скучаю. Пою свою песню. Когда же приедет сюда мой бригадир Анукин?»

В 1973 году, когда пастухи шестой оленеводческой бригады совхоза «Энмитагино» готовились к перегону стада на осенние маршруты, директор совхоза передал по радию, что бригадир Иван Иванович Котгыргин награжден орденом Трудового Красного Знамени. Пастухи поздравляли своего старшего товарища, а его жена Лена Марпы выразила радость в тут же созданной песне, в которой говорится, что в их бригаде хорошие, добросовестные люди, у них сильные олени, что не легко кому-либо из других бригад совхоза победить в соревновании лучшего пастуха Котгыргина.

Индивидуальные (личные, колыбельные, памятные) песни составляют значительный раздел современного народного музыкального творчества аборигенов Чукотки. Их сочиняют для себя, для удовлетворения своих личных эстетических потребностей. Создаются они по образцам мелодий предков, на основе их интонаций, характерных ритмов. Индивидуальные народные песни являются неисчерпаемым источником творчества самобытных композиторов-мелодистов, предназначенных свои произведения для общественного использования, для пополнения репертуара фольклорных ансамблей песни и танца. Складывая произведения, проникнутые коммунистическим мировоззрением, композиторы-мелодисты осуществляют главную задачу советского искусства — задачу эстетического воспитания трудящихся, мобилизации их на выполнение планов развития экономики и культуры нашей Родины.

Одна из характерных особенностей чукотских, эскимосских, эвенских, корякских ансамблей песни и танца — близкая связь с повседневной жизнью самих исполнителей и слушателей. Участники ансамблей играют на сцене самих себя. Еще вчера они и их родственники, односельчане охотились на моржей, нерп, пушных зверей, уток, работали на звероферме, наблюдали за полетом журавлей и чаек; сегодня уже со сцены Дома культуры они рассказывают об этом труде, поют

о своих современниках, возвеличивая их, посвящая им художественные произведения.

К числу таких произведений относятся, например: «Охота на кита» (мелодия Атанека, танец Нутетеина); «Охотник» (мелодия М. Зизяновой и Калянтонану, стихи В. Кеулькута); «Сбор яиц на скале» (автор Умка); «Поиски оленей в тундре» В. Иунеута; «Песня оленевода» (мелодия В. Пананто, стихи В. Кеулькута); «Жиротопщицы» (автор Ятылин); «Охота на моржа» Уаляны.

ОХОТА НА МОРЖА

Слова и музыка УАЛЯНЫ

6 $\frac{1}{2}$ раз: Moderato
2 раз: Con moto. Espressivo

Я-ни-я-ни-я. Хуа-на-та-уа ку-я-ку-на-
а-а. Ами-ки-кам-нин? ку-я-ку-на-а-
а. Ын-та хуа-на а-ту-сит- кы-лы-кун амики-
ка-ка-а. Ын-та-хуа-на та-ку-ла-кун. Ай-
вык иг-на к'ит-хыг-ля-ку-ун сыг-лю-га-га-
ка. Ун-г'ах-си-та-ка на-гул-ха-ка.
I. II.
А-йя-ни-ни нын-ты-га? ка. Хуа-ка.

Эскимоска Александра Парина из села Сиреники сочинила «Песню о передовиках совхоза». В ней говорится: «Наша шхуна «Ударник» идет. С обоих бортов у нее по киту. Работники совхоза! Быстрее на берег. Надо вовремя убрать мясо... Давайте споем песню о хороших рабочих! Спасибо капитану Мазневу, спасибо стрелку Ухтыкаку!» Клавдия Келенны-Зорина из села Рыркайпий Шмидтовского района является автором «Песни о старейшем и мудрейшем охотнике Рагтувье». Галина Николаевна Тагрина, художественный руководитель Дома культуры села Нунлигран Провиденского района посвятила содержание одной из своих песен летчику Валентину Земко, обслуживавшему сельскую местность Чукотки и пользовавшемуся большим уважением местных жителей.

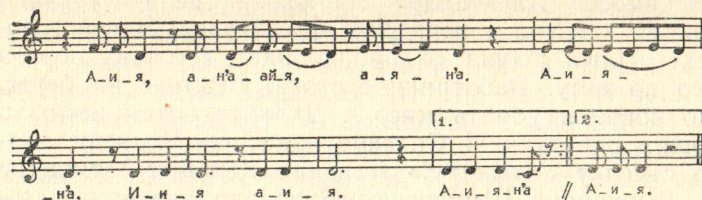
В репертуаре национальных ансамблей песни и танца нашло отражение такое новое для жизни народностей Северо-Востока явление, как развернувшееся в 50-х годах строительство жилых домов. Оно дало возможность в короткий срок переселить семьи всех чукчей, эскимосов, эвенов, коряков из яранг и землянок в благоустроенные дома. В этом строительстве принимали участие сами местные жители, осваивая под руководством русских мастеров новые для них профессии плотников, штукатуров, печников. Вот одно из многочисленных произведений, повествующих об этом, — песня с танцем науканского эскимоса Петра Хальхаегина «Строители домов»: «Веселые строители, веселые строители... Хорошо строгают бревна русский человек».

СТРОИТЕЛИ ДОМОВ

Слова и мелодия П. ХАЛЬХАЕГИНА

7 Con moto. Повторение-Allegretto

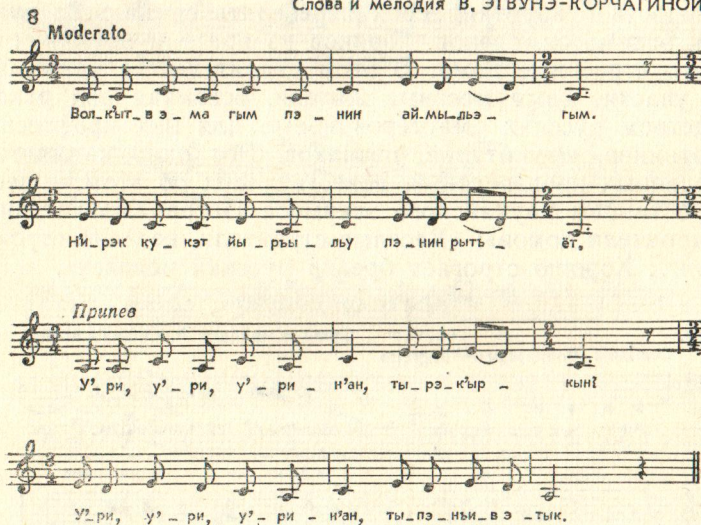
А-и-и-и-я-но. Аг-риг-ны-ха ся-наль-ты-ни.
Аг-риг-ны-ха ся-наль-ты-ни. А-и-я а-
на-ай-я а-я-на. А-и-я-
на. И-и-я. А-ну-як-ка-ю-га-кук.

Традиционными и любимыми являются песни и танцы о северной природе («Метель спускается с гор», «Северное сияние», «Скрип моря», «Песня о Полярной звезде»), о птицах и зверях («Медведь», «Далекая чайка», «Журавли», «Два ворона», «Полет чайки против ветра», «Куропатки»), лирические песни («Девушка выбирает жениха», «Кусинские девушки»). Вот одна из лирических песен «Каждый вечер хожу я по воду»:

КАЖДЫЙ ВЕЧЕР ХОЖУ Я ПО ВОДУ

Слова и мелодия В. ЭТВУНЭ-КОРЧАГИНОЙ

Приобщение коренных жителей Чукотки к общественно-политической жизни всего советского народа привело к созданию совершенно нового для них жанра. На каждое значительное событие участники национальных ансамблей песни и танца откликаются созданием соответствующих произведений народного творчества. Так, в начале Великой Отечественной войны про-

тив немецко-фашистской Германии член КПСС, учитель Майна, автор многих эскимосских песен и танцев, был избран председателем колхоза чаплинских эскимосов. Когда надо было довести до сведения колхозников «фронтовое задание» по обеспечению Советской Армии меховой одеждой, а промышленность жиром морских зверей для изготовления лекарств, Майна не стал произносить речь о необходимости его выполнения. Он сочинил и спел на колхозном собрании песню «О помощи фронту»: «Охотники на пушных зверей, морские зверюбки! Вдохновляет нас песня. Она призывает выполнить и перевыполнить фронтовое задание, оказать помощь Советской Армии, сражающейся с гитлеровскими захватчиками». Песня произвела сильное воздействие на слушателей, и они приняли решение добиваться перевыполнения полученного колхозом производственного задания. А в эти же дни в селе Уэлен на сцене клуба исполнялся танец «Борьба с гитлеровцами», созданный старым охотником Атыком.

В последующие годы самобытные чукотские, эскимосские, эвенские авторы создали многочисленные песни и танцы о В. И. Ленине (например, «Песня о Ленине» чукчанки Ольги Геунтонау), о коммунистической партии, о съездах КПСС, о вьетнамских патриотах, защищавших независимость своей страны, о борьбе народов за мир и дружбу (например песня «Мы все за мир» Галины Тагрины, см. пример № 13), о завоевании космического пространства: первом спутнике, полете в космос собачки Лайки, о Юрии Гагарине, Германе Титове, 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, о новой Конституции СССР.

Во всех этих произведениях самобытные авторы музыкальных произведений, являющиеся в большинстве передовиками сельского хозяйства, активными общественниками, руководителями партийных организаций, сельских Советов депутатов трудящихся, выступают как пропагандисты идей Коммунистической партии, как агитаторы за осуществление конкретных мероприятий коммунистического строительства, активные борцы за искоренение пережитков прошлого в сознании людей.

Один из старейших мастеров эскимосской народной музыки и хореографии, член КПСС, охотник Николай Таю, создавший много песен и танцев, так писал в газете «Советская Чукотка» о роли народного художественного творчества: «Я знаю силу искусства. Ведь в ней не раз приходилось убеждаться на собственном

примере. Как трудно было работать в 1943 году! Тогда я и учительница Коквыт работали в красной яранге¹ Гековского сельсовета. И знаете, с чего мы начали сплочение людей? С организации художественной самодеятельности. Скоро на нашей стороне была вся молодежь, а за ней и остальные потянулись к новому. Сейчас у искусства еще более богатые возможности. Это прекрасное средство выявления способностей, воспитания коллективизма, товарищества»².

На Чукотке и Колыме нет пока учебных заведений, в которых бы обучали основам народной музыки и хореографии. Ни в Магаданском музыкальном училище, ни в детских музыкальных школах области молодых представителей народностей Крайнего Северо-Востока пока даже не знакомят с особенностями их национального искусства. Не предусмотрено таких занятий в учебной программе, нет и соответствующего факультета. Тем не менее, как и в прошлые времена, пожилые мастера считают своим долгом передавать молодежи опыт создания и исполнения чукотских, эскимосских, эвенских песен и танцев, проводить занятия по национальному искусству как с группами одаренных молодых людей, так и с отдельными подростками, юношами, девушками. Так, например, эскимос Тина, в прошлом много лет проработавший секретарем сельского Совета народных депутатов, а затем заведующим сельским магазином, писал на страницах окружной газеты: «Теперь я вышел на пенсию. Но без дела сидеть не люблю. Занимаюсь своим любимым делом — самодеятельностью. Буду продолжать работать с молодежью. Ведь народное эскимосское искусство должно развиваться. В нем основное — продолжение национальных традиций и в то же время — творчество, внесение в народное искусство нового»³.

Пенсионерка Ольга Петровна Геунтонау, общественный руководитель песенно-танцевального ансамбля «Ракушка» Энмеленского Дома культуры много внимания уделяет детям и подросткам, передавая им свой

¹ Красные яранги — передвижные клубы по обслуживанию работающих в тундре и тайге оленеводов и охотников. В 1975—1976 годах они реорганизованы в агитационно-культурные бригады.

² Таю Н. Сила, которая спит. — Советская Чукотка, 1962, 14 марта.

³ Тина. Учю эскимосским танцам. — Советская Чукотка, 1961, 15 марта.

богатый опыт создания и исполнения чукотских песен и танцев. Особо большое внимание она придает занятиям с музыкально одаренной школьницей Галей Сажинной.

Говоря о песнях и танцах народностей Крайнего Северо-Востока, исполняемых как на сцене Домов культуры, так и в бытовой обстановке, необходимо отметить, что в современной практике сохранилось лишь незначительное количество старинных (дореволюционного периода) произведений чукотского и эскимосского народного музыкального и музыкально-хореографического творчества. В основном это индивидуальные песни дедов и прадедов. В то же время очень мало произведений народного творчества получило распространение по всей Чукотке, они исполняются в основном в тех селениях, где были созданы. Эта особенность фольклора Крайнего Северо-Востока может быть объяснена своеобразием условий жизни местного населения, в частности, из глубины веков идущей территориальной разобщенностью небольших групп оленеводов и охотников, вызванной характером их трудовой деятельности. Она, хотя и в меньшей степени, имеется и в настоящее время. Широко известны главным образом те песни и танцы, которые в 1959—1976 годах были опубликованы в репертуарных сборниках, подготовленных к изданию областными и окружными учреждениями культуры, исполнялись в радио- и телевизионных передачах, на окружных и областных смотрах и фестивалях художественной самодеятельности. К ним, в частности, относятся «Песня о новой жизни» Виктора Арычайвуна, танец «Журавли» Антонины Кымытваль, песня «Каждый вечер хожу я по воду» Веры Этвуне-Корчагиной и некоторые другие.

Таким образом, лишь немногие произведения народного творчества чукчей и эскимосов выдержали испытание временем и получили широкое, массовое распространение в народе. Характерная черта местного фольклора в том, что имена авторов большинства бытующих здесь мелодий хорошо известны, ибо они являются родственниками, односельчанами исполнителей и слушателей. Мало того, чаплинские и науканские эскимосы знают имена создателей исполняемых ими народных песен эскимосов Аляски, поскольку они дружили или состоят в родстве с их отцами и дедами.

Музыкальный фольклор народностей Крайнего Северо-Востока находится в постоянном движении, об-

новлении и развитии. Существующая у чукчей и эскимосов традиционная потребность выражать в песнях и танцах каждое чувство, настроение, раздумье приводит к систематическому возникновению большого числа все новых и новых произведений народного творчества. Характерные признаки этого фольклора — устная распространенность и запоминаемость, свободное варьирование ранее созданных текстов и мелодий песен, танцев, пантомим. Новые произведения имеют свой национальный колорит, ладоинтонационные, метроритмические, структурные и другие черты, типичные для данного народного самобытного искусства. Для каждого жанра этого искусства в разных районах Магаданской области существуют локальные, издавна сложившиеся модели, придерживаясь которых авторы слагают произведения, наполняя их современным содержанием, обогащая новыми выразительными средствами, постепенно развивая и видоизменяя тем самым эти модели.

Материалом для творчества во многих случаях служат индивидуальные мелодии родственников, односельчан. Так, сочиняя песню «Пастух из нашего поселка» Галина Николаевна Тагрина использовала песню старого оленевода Акако. При этом из длинной, не имеющей определенной формы мелодии, она отобрала наиболее интересные мотивы и на их основе создала стройный период из двух предложений; придумала также и соответствующий текст. Медленный, протяжный напев пенсионерки Канай она же переделала в подвижную песню «Наш летчик Земко» с четким, энергичным ритмом. Для танца «У моря Чукотки» использовала мелодию своего отца Рытаграу, созданную для ее брата Юрия Тэгрынкеу. Эскимос Нутетейн, сочиняя новый танец «Краболов», использовал для музыкального сопровождения личную тему охотника Чьупина, подвергнув ее основательной переработке. Чукчанка Мария Зизянова для песни «Охотник» на слова чукотского поэта Виктора Кеулькута использовала личную мелодию односельчанки Калянтонуау. Виктор Арычайвун, создавая танец «Собачья упряжка», переработал для его музыкального сопровождения песни охотника Койна и работницы оленеводческой бригады Рагтыны. Наряду с заимствованием ранее звучавшего материала, композиторы-мелодисты, в том числе Г. Тагрина, М. Зизянова, А. Парина, В. Арычайвун, Нутетейн, В. Рыппель, Н. Асыколян и другие, создавали и создают по вдохновению оригинальные мелодии, осно-

вываясь на хорошо известных им особенностях их народного национального искусства.

На развитие современной музыки народностей Крайнего Северо-Востока благотворное воздействие оказывает профессиональное и народное творчество братских народов Советского Союза, произведения композиторов-классиков, с которыми северяне знакомятся по радио, телевидению (оно проникло уже в тундру к оленеводам), по кинолентам, патефонным пластинкам, выезжая в центральные районы страны, посещая театральные постановки и концерты. С современным искусством они знакомятся также путем личного участия в вокальных и инструментальных коллективах художественной самодеятельности Домов культуры, в которых часто встречаются с представителями различных районов Советского Союза, приехавшими работать на Север. Благодаря этому народная музыка чукчей и эскимосов в короткий срок прошла большой путь интенсивного развития, характеризуемый не только новым содержанием песен и танцев, появлением новых жанров, но и обогащением мелодического языка самобытных композиторов, расширением звуковысотного диапазона их мелодий, совершенствованием ладовой основы.

3. НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ПЕСЕННОГО ТВОРЧЕСТВА ЧУКЧЕЙ И ЭСКИМОСОВ

Бытующие в настоящее время в Чукотском национальном округе мелодии демонстрируют одновременное существование различных стадий развития одноголосной, безинструментальной народной музыки (в основном во всем округе применяется один лишь ударный инструмент — бубен). Анализируя фольклорные записи, сделанные с 1957 по 1978 год, сопоставляя исполнение в разные годы одних и тех же произведений, рассматривая мелодии, созданные в разное время одними и теми же авторами, можно убедиться в том, что в чукотской и эскимосской народной музыке происходит бурное развитие от малообъемных ангемитонных ладов к семиступенным ладам октавного диапазона. Можно проследить, как обогащаются новыми звуками старинные лады, как они трансформируются за счет появления более напряженных интервалов, диатонических и хроматических полутонов. Остановимся на нескольких примерах.

В процессе многолетней практики ряда поколений авторов произведений чукотской и эскимосской народной музыки сложилась группа четырехзвучных ангемитонных ладов, которые легли в основу многих старинных и современных мелодий [1; 8]¹. Для чукотской музыки характерен тетрахорд минорного наклонения (*c, es, f, g*). Для эскимосской — тетрахорд мажорного наклонения (*c, d, e, g*) и тетрахорд, не имеющий звука терции (*c, d, f, g*). В практике современного народного творчества эти старинные лады в одних случаях обогащаются полутоновыми сопряжениями, в других — происходит расширение их диапазона, которое, не нарушая их ангемитонной сущности, идет путем прибавления новых звуков, лежащих на большую секунду снизу от тоники и сверху от доминанты ангемитонного тетрахорда; или же путем присоединения нового звука, лежащего на кварту ниже устоя (тоники), то есть нижней доминанты, с последующим заполнением образовавшегося интервала другими звуками.

Так, мелодия «Песни о вольной птице» Аглю [5] построена в мажорной пентатонике (*f, g, b, c, d*) и отличается от исходного тетрахорда наличием пятого звука, возникшего на большую секунду выше противоуста (доминанты). Таким же путем образовалась мажорная пентатоника (*g, a, h, d, e*) в мелодии эскимосского танца «Охота на моржа» [6]. Ее автор Уаляна, закончив первую фразу, сделал ход вверх на большую секунду и от этого нового звука построил секвентное повторение первоначального мотива. При этом вершина мелодии поднялась до октавного удвоения устоя (тоники). Можно встретить эскимосские мелодии, звукорядом которых является диатонический лад, однако в них нет ни одной полутоновой интонации.

Звукоряд мелодии «Песни о памятнике Дежневу» науканского эскимоса Нувелина представляет диатонический лад, имеющий седьмую ступень, отстоящую от устоя (тоники) на большую секунду вниз:

ПЕСНЯ О ПАМЯТНИКЕ ДЕЖНЕВУ

9 Moderato НУВЕЛИН

Я - н'э-йя н'э-йя. На-ни-тук а-тук на-к'льэ, На -

¹ В квадратных скобках указаны номера помещенных ранее примеров.

- а, Ма - ни - к'а Ну - вук - а - ми, А - и - я - и -

- я а - н'э-йя я - я - йя а - а - н'и - йя, Ин' - ге -

- г'рум - к'ай - на - ни. Йя-я н'и ин' - ни. На - пак? -

- шам са-не - э - ни. А - и - я - я а - ни - я. А - ни -

- я я - а - а - я - н'э - э - я. А - я - я - н'а - и - я я -

- я - н'э-йя - н'э - йя. На - ни - // я - а - н'э-йя.

По аналогии с европейской системой ладов его можно рассматривать, как миксолидийский мажор с пропущенной VI ступенью. Здесь, как и во многих других эскимосских мелодиях, миксолидийская септима не является восходящим вводным тоном. Движение мелодии от нее идет вниз на малую терцию, или вверх на сексту. В подавляющем большинстве эскимосских мелодий вводным звуком является вторая ступень; в каденциях она непосредственно предшествует заключительному звуку тоники [5, 6, 9]. В чукотских мелодиях традиционной каденцией является разрешение терцового звука лада в тонику ходом на малую терцию вниз.

Слова В. КЕУЛЬКУТА

Мелодия М. ЗИЗЯНОВОЙ

Во многих современных чукотских и эскимосских мелодиях уже имеются полутоновые интонации. Их возникновение могло идти различными путями. И конечно же, народные авторы, как правило, создают такие мелодии интуитивно, подчиняясь назревшей потребности выразить в своих произведениях идеи и художественные образы нашей советской действительности в более острых, более напряженных ситуациях. Наиболее ярко этот процесс проявляется при переосмысливании, переработке ранее созданных мелодий.

В 1956 году Виктор Арычайвун создал танец «Собачья упряжка» и выступал с его исполнением на смотрах и фестивалях художественной самодеятельности в Анадыре, Магадане, Хабаровске, Москве. Участие в таких мероприятиях не прошло бесследно для развития его музыкального мышления. Одним из свидетельств этого является непреднамеренная, неосознанная им переработка мелодии танца «Собачья упряжка». Она обнаружилась при ее магнитофонной записи в 1961 году. Сопоставление старой и новой записей продемонстрировало произошедшее изменение. Если мелодия 1956 года основана на ангемитонном тетра хорде, то основой мелодии 1961 года является пентакорд с диатоническим и хроматическим полутонами:

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ДВУХ ВАРИАНТОВ
МЕЛОДИИ ТАНЦА „СОБАЧЬЯ УПРЯЖКА“ В. АРЫЧАЙВУНА

Allegretto

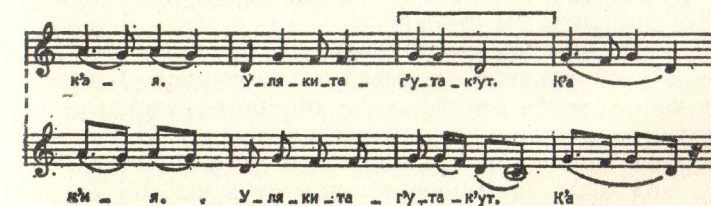

звукоряд

звукоряд

Эскимос Юрий Анко, готовясь к участию в VI Всемирном фестивале молодежи и студентов, сочинил в 1956 году песню «Чаплинские девушки», используя для нее в переработанном виде мелодию танца «Веселые вороны» своего односельчанина Пуимы:

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСЬ МЕЛОДИЙ ТАНЦА
„ВЕСЕЛЫЕ ВОРОНЫ“ И ПЕСНИ „ЧАПЛИНСКИЕ ДЕВУШКИ“

Звукоряд танца „Веселые вороны“

Звукоряд песни „Чаплинские девушки“

Юрий внес в мелодию Пуимы существенные изменения: ритмическое дробление звуков, интонационное развитие попевок в 6, 10 и 14-м тактах. В результате ангемитонный тетракорд, в котором была построена мелодия танца «Веселые вороны», трансформировался в гексакорд с восходящим вводным тоном, отстоящим на большую секунду от тоники, и нисходящим вводным тоном, отстоящим на полутон от тоники (фригийская секунда).

Создавая песню «Мы все за мир» Г. Тагрина, развивая первоначальную попевку, закончила ее в 5-м такте на звуке, отстоящем на секунду выше тоники, а в 13-м добавила VI ступень.

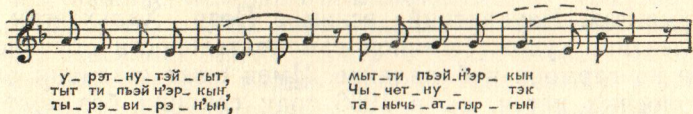
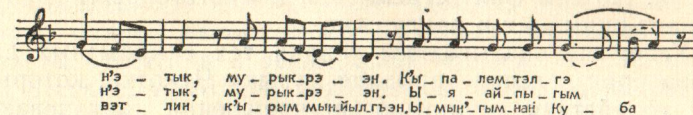
В ангемитонном тетракорде, на котором основано начало этой попевки, не было таких звуков. В результате образовался звукоряд с двумя полутонами, и в мелодии возникли полутоновые интонации. И все же в каденции мы видим традиционный для чукотской музыки ход вниз на малую терцию от звука III ступени в тонику:

МЫ ВСЕ ЗА МИР

Слова и мелодия Г. ТАГРИНЫ

13

а) Moderato

б)

Нельзя не отметить, что традиционные интонации и ритмы, составляющие характерные признаки национального колорита чукотской и эскимосской народной музыки, взаимосвязаны с тем ладом, в каком построено то или иное произведение. Чувствуя это, наиболее одаренные композиторы-мелодисты Чукотки в разных сочинениях нередко пользуются разными ладами, применяя их в соответствии с содержанием и художественными образами создаваемых произведений.

Приобщение к передовому искусству братских народов вызвало у чукчей и эскимосов потребность развития в их национальной музыке хорового и инструментального многоголосия. В ряде сельских ансамблей песни и танца делаются попытки коллективного хорового распева чукотских и эскимосских народных песен; прилагаются усилия к созданию многоголосных песен с инструментальным сопровождением. Так, участницы чукотского ансамбля «Тополинка» села Ваеги Анадырского района выбрали второй голос к мелодии «Песни о новой жизни» В. Арычайвуна. Чукотский ансамбль «Лоринские зори» Чукотского района поет на два голоса старинную народную шуточную песню «Кислая мор-

ская капуста». Пробовали подбирать второй голос к чукотским народным песням участники ансамбля «Дружба» Дома культуры села Майныпильгыно Беринговского района. Поскольку опыта в таком творчестве самобытные ансамбли песни и танца Чукотки раньше не имели, итоги этих экспериментов не были достаточно удачными — голоса в указанных двухголосных произведениях шли параллельными квартами или терциями. Но сам факт стремления к многоголосию заслуживает внимания и поддержки.

Успешнее оказываются усилия тех самобытных авторов произведений народной музыки Чукотки, которые при содействии культпросветучреждений овладевают нотной грамотой и техникой игры на музыкальных инструментах. Науканский эскимос Петр Хальхаегин в коллективе художественной самодеятельности обучился игре на гармонии и балалайке. Имея опыт создания одноголосных песен, он в 1966 году сочинил без посторонней помощи песню о пионерском лагере «Чайка» для двухголосного вокального ансамбля в сопровождении гармонии. Эта песня, построенная на интонациях эскимосской народной музыки, исполнялась с его участием на открытии пионерского лагеря. Жаль, что трагическая гибель П. Хальхаегина прервала его дальнейшее музыкальное творчество.

Пройдя несколько раз обучение на окружных и областных курсах руководителей национальных ансамблей песни и танца, Галина Тагрина научилась читать ноты и играть на баяне и аккордеоне. Эти знания позволили ей взяться за сочинение многоголосных чукотских песен с сопровождением на баяне и бубне-яраре. Несколько таких ее песен, в том числе «Ленин и теперь живее всех живых», «Песня о Нунлигране», «Журавли» в 1973—1977 годах с ее участием исполнялись чукотским вокальным ансамблем «Журавушка» Нунлигранского сельского Дома культуры. Этим был сделан многообещающий шаг вперед в развитии чукотской национальной музыки.

Тяга чукчей и эскимосов к овладению струнными инструментами получила значительный стимул в результате их первого знакомства со скрипкой и виолончелью. Это произошло в 1936 году, когда концертная бригада преподавателей и студентов Московской консерватории объехала все морское побережье Чукотки и выступала во многих селах перед местными жителями. В ее составе были скрипичный квартет и вокали-

сты. Они исполняли русские народные песни и произведения Бетховена, Чайковского, Моцарта, Паганини, Комитаса, ряда советских композиторов. Под впечатлением от этих концертов эскимосы Тухелян, Майна, чукча Пайме, другие северяне стали изготавливать из подручных материалов самодельные скрипки и играть на них свои национальные мелодии. В 50-е годы, когда в селах Чукотки появились музыкальные инструменты промышленного изготовления — домры, балалайки, гитары, баяны, аккордеоны — их стали осваивать энтузиасты чукотской и эскимосской музыки. На них играли русские, чукотские, эскимосские мелодии, например, чаплинские эскимосы Айвыхак и Михаил Укильре. У них нашлись молодые последователи. Поэтому неудивительно, что в 1962 году инициатива эскимоса Владимира Насалика организовать в селе Новое Чаплино струнный оркестр нашла горячую поддержку у односельчан. В оркестр пришли эскимосы, которые уже умели играть на домрах, мандолинах, гитарах. Сам Насалик еще за несколько лет до этого, будучи студентом педагогического училища, обучился нотной грамоте и игре на баяне и гитаре. Проходя срочную службу в Советской Армии, стал квалифицированным музыкантом, играл в военном духовом и эстрадном оркестрах.

Созданный В. Насаликом оркестр народных инструментов стал исполнять пьесы композиторов-классиков, советских композиторов, а также оркестровые обработки чукотских и эскимосских музыкальных произведений. В 1964 году впервые в истории Чукотки танцевальный ансамбль новочаплинцев исполнил эскимосскую танцевальную сюиту «Возвращение охотников» не под одноголосное пение, как это практиковалось издавна, а под сопровождение оркестра народных инструментов. В дальнейшем оркестр завоевал звание лауреата Всероссийского смотра, а затем I Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся. Однако в настоящее время оркестр нуждается в квалифицированном руководителе, который мог бы занять штатную должность дирижера этого оркестра (В. Насалик работает преподавателем музыки в общеобразовательной школе).

Нуждаются в квалифицированных хормейстерах также народные чукотские и эскимосские ансамбли песни и танца. Сложность подбора профессиональных музыкантов на эти должности заключается в том, что музыкальные учебные заведения и институты культуры,

выпускники которых направляются на работу в районы Крайнего Северо-Востока, не знакомят их с особенностями музыкальной культуры аборигенов. Поэтому все более возрастает необходимость в проведении областными учреждениями культуры соответствующей дополнительной подготовки кадров, назначаемых на работу в Дома культуры Колымы и Чукотки. Наряду с этим возрастает необходимость полнее использовать имеющиеся возможности для подготовки в учебных заведениях композиторов, дирижеров, балетмейстеров, певцов, музыкантов из числа одаренной молодежи народностей Крайнего Северо-Востока. Нет сомнений, что такие национальные кадры в ближайшие годы на Чукотке появятся и с их участием не только удастся сохранить замечательные народные традиции, но и достигнуть новых, значительных успехов в их развитии.

А. Айзенштадт

У КЕТОВ И СЕЛЬКУПОВ¹

Есть в Сибири народности, имеющие в принципе различное происхождение, ряд своих специфических черт материальной и духовной культур. Но многие века живут они рядом, хорошо знают друг друга, некоторые семьи давно породнились. Исторические судьбы кетов и селькупов сложились так, что расселились они рядом, в междуречье Оби и Енисея, по многочисленным притокам их. В процессе многовекового продвижения с далекого юга на север они вступали в контакты подчас с одними и теми же народами и, конечно, друг с другом. Это, в свою очередь, определило многие сходные черты жизненного уклада, которые особенно заметны в наше советское время.

Кеты живут в Туруханском, Байkitском и Игарском районах Красноярского края и в настоящее время насчитывают около тысячи человек. Четыре-пять тысячелетий назад они были несравненно более многочисленны, входили в гуннский племенной союз², а позже по неизвестным нам причинам многие роды их ушли да-

¹ Материалы, положенные в основу настоящей статьи, собраны автором в фольклорных экспедициях 1969—1973 годов. Обобщающие данные по музыкальному фольклору как кетов, так и селькупов публикуются в музыковедческой литературе впервые.

В 1905—1908 годах этнограф В. Анучин записал на 24 валиках кетские шаманские песни (хранятся в фонограммархиве АН СССР); в наше время богатый материал собран языковедом и этнографом А. Дульзоном и его учениками (Томск), Е. Крейновичем (Ленинград). Жанрово-тематические особенности кетского фольклора изучает в содружестве с другими авторами языковед Г. Вернер (Таганрог). Значительно меньше исследовано народное творчество селькупов. В 50—70-е годы образцы его записывались томскими этнографами и языковедами (см.: Пелих Г. Происхождение селькупов. Томск, 1972). В 70-е годы музыкальный фольклор кетов и селькупов записывал музыковед И. Бродский (Москва).

² Дульзон А. Кетский язык. Томск, 1968 (работа удостоена Государственной премии за 1971 г.). Его же: О древней центральноазиатской языковой общности. Труды Томского ун-та. Томск, 1968, т. 17.